

Глава 18: Гэгэ раздражен?

Шэнь Цзицзе говорил, жестикулируя, выражение его лица было живым, дополненным движениями. Лу Жун был полон энтузиазма, даже если в некоторых местах он не мог этого понять, но как только Шэнь Цзицзе начинал смеяться, он смеялся без остановки, как взволнованный маленький лягушонок.

Шэнь Цзицзе посмотрел на его улыбающееся лицо и в глубине души почувствовал себя очень полезным. Внезапно он почувствовал, что у них двоих действительно было молчаливое взаимопонимание раньше, но они неправильно понимали друг друга.

Он ненадолго замолчал, сделав короткую паузу, он внезапно осознал, что окружающий пейзаж невольно изменился.

Холмики земли вдалеке исчезли и превратились в клочок зеленой травы, по которой летали стайки светлячков. Мрачный лес с ветвями и виноградными лозами рядом с ним тоже превратился в ручей журчащей воды.

Лунный свет больше не был мрачным и холодным, а стал мягким и безмятежным, и чувство мрака и ужаса, охватывающее все вокруг, исчезло в одно мгновение.

Увидев, что Шэнь Цзицзе замолчал, Лу Жун перестал смеяться и огляделся, тоже замечая происходящие здесь перемены. Он почувствовал, что рыбный запах, присутствующий все это время в воздухе, исчез, и нежный запах дяди Бая снова окутало это место.

"Смотри, вон там, ты видишь это? Это сгусток света, кучка света, которая позволит нам выйти", — Шэнь Цзицзе указал на место недалеко и закричал.

Серебристо-белая световая масса появилась в какое-то неизвестное время, повиснув на лужайке неподалеку, эти сходящиеся световые точки, были похожи на нежные струящиеся звезды.

"Иди, иди, давай уходит от сюда", — Шэнь Цзицзе привел Лу Жуна к сгустку света.

Открыв глаза, Шэнь Цзицзе не удивился, обнаружив, что все еще лежит на кровати, надежно укрытый одеялом.

За окном стрекотали сверчки, а электрический вентилятор в изножье кровати жужжал и покачивал головой. Во всем этом не было ничего ненормального, и те переживания, которые только что произошли, казались сном. Он медленно повернул голову, встретившись взглядом с Лу Жуном рядом с ним.

Лу Жун лежал на боку с широко раскрытыми глазами и придвинулся к нему, обхватив руками

за шею.

"Жун-Жун", — Шэнь Цзицзе тихо позвал и коснулся его спины.

"Да."

"Ты... только что проснулся, или...?" — неуверенно спросил он.

Лу Жун склонил голову на плечо и посмотрел на нефритовый кулон, висящий у него на шее.

Нефритовая подвеска была очень тонкой, с вырезанным зеленым листом. Глядя на хрустящую и нежную зелень, Лу Жун не мог не куснуть и полизать ее, после чего ответил глубоким голосом: "Воин-олень... бумажные человечки..."

Это действительно был не сон. Шэнь Цзицзе вздохнул с облегчением, но он не мог сказать, что чувствовал в своем сердце.

"Не лежи его, там бактерии, — он взглянул вниз на Лу Жуна в своих руках и протянул руку, дабы ущипнуть его за подбородок, после чего вынул нефритовую подвеску изо рта. — Почему ты все запихиваешь в рот?"

"Я просто попробовал, не собирался есть", — сказал Лу Жун.

"Ты не можешь попробовать это на вкус, не можешь."

"Ой."

Шэнь Цзицзе засунул нефритовый кулон под свою одежду и спросил: "Что скажешь, мы расскажем об этом твоему дедушке?"

Его тон был неуверенным, потому что он чувствовал, что взрослые в это не поверят. Его родители оба университетские профессора и убежденные материалисты. Они могут найти идеальное объяснение любым коварным вещам с научной точки зрения.

Шэнь Цзицзе знал, что если бы его родители узнали об этом, они бы подумали, что это либо выдумка, либо сон, либо что у него что-то не в порядке с головой. Даже если бы существовали показания Лу Жуна, это был бы заговор с целью выдумать ложь. Но он также мог понять, что если бы не его собственный личный опыт, он бы не поверил никому, кто бы это сказал.

Когда Лу Жун услышал это, он внезапно поднял голову с его рук, с растрепанными волосами на макушке он нервно спросил: "Ты хочешь рассказать кому-нибудь еще?"

Шэнь Цзицзе не заметил ненормальности в его тоне и ответил: "Я не слишком уверен, но что если я не расскажу взрослым и меня снова втянет в это?"

Лу Жун отпустил руку, обвивавшую его шею, поднялся с кровати и повернулся к нему спиной, явно принимая позу отторжения.

"Разве ты не хочешь рассказать взрослым?" — он ткнул Лу Жуна в поясницу. Плоть там была мягкой и при тычке отскакивала назад, это было очень приятно, так что он не мог удержаться и ткнул его еще раз.

Лу Жун изогнулся всем телом, не избегая этого, он просто поджал губы и повернул голову, чтобы вырваться из хватки пальцев.

Шэнь Цзицзе приподнялся на локтях и подпер голову: "Если ты не расскажешь взрослым, что, если что-то подобное, как сегодня, повторится?"

Он действительно хотел мирно спать в постели, а не быть снова пойманным бумажными людьми. Этого ужасающего опыта было достаточно, он действительно не хотел переживать его снова.

Лу Жун сказал с несчастным видом: "Не говори взрослым, я защищу тебя, не бойся."

"Чего я должен бояться? Я совсем не боюсь", — Шэнь Цзицзе чувствительно выпрямился. — "Кто сказал, что я боюсь? Я просто осторожничаю."

Лу Жун взглянул на него, его взгляд был темным, а его большие глаза выглядели так, будто ему было что сказать.

Шэнь Цзицзе вдруг почувствовал себя немного виноватым, поэтому предложил окольный путь: "Как насчет того, чтобы рассказать немного дедушке, ничего такого не говоря. Если что мы скажем, что нам приснился сон, и посмотрим, что скажет на это дедушка."

Лу Жун немного помялся и неохотно сказал: "... Тогда ладно, можно сказать, что это был только сон."

Они разговаривали и обсуждали, небо стало белым, прямо как рыба пасть. В конце концов, они недостаточно спали, и заснули прежде, чем осознали это. Когда Шэнь Цзицзе проснулся, уже светало, он повел Лу Жуна на поиски дедушки Цая и скрытно рассказал о прошлой ночи.

"Вам двоим приснился один и тот же сон?" — дедушка Цай, промывавший гриб, перестал двигать руками, услышав эти слова.

"Да, мне приснился ужасный сон, и я рассказала об этом Жун-Жуну, когда проснулась. В результате ему приснился тот же сон, что и мне", — сказал Шэнь Цзицзе.

Лу Жун посмотрел себе под ноги и небрежно кивнул.

"Что это за сон такой?" — непонимающе спросила дедушка Цай.

Шэнь Цзицзе: "В любом случае, там были монстры. Я не знаю, сон это или нет, но я все равно столкнулся там с Жун-Жуном."

Дед Цай некоторое время наблюдал за выражением лиц этих двоих, затем опустил голову, помолчал немного и сказал: "После еды я отведу вас двоих в храм, пусть мастер изгонит за вас злых духов."

"Что значит изгнать злых духов?"

"Это для того, чтобы отогнать демонов, которые хотят подобраться к вам."

Шэнь Цзицзе успокоился и, видя встревоженный взгляд Лу Жуна, тихо успокоил его: "Все в порядке, есть мастер, и этот самый мастер изгонит злых духов."

Лу Жун подумал: "Чего я боюсь, так это того, что мастер изгонит злых духов и будет обращаться с воином-оленом как с демоном".

После завтрака дедушка Цай небрежно собрал тарелки и палочки для еды, упаковал корзинку с арахисом и яйцами, вывел их обоих за дверь и поднялся по каменной лестнице за деревней.

Поскольку вся гора была превращена в достопримечательность, храмы на горе также являются пейзажами, узкие горные дороги были перестроены в просторные лестницы. Солнце пробивалось сквозь листву, на Шэнь Цзицзе был черная бейсболка, увидев, что Лу Жун покраснел от солнца, он снял ее и нахлобучил ему на голову.

Шляпа была немного велика, Шэнь Цзицзе поправил ему пряжку и продолжил идти вперед. Лу Жун взял его за руку, пробежал несколько шагов вперед и другой рукой обнял дедушку Цая. Ступеньки были недостаточно широкие, на них могли идти рядом только два человека, они трое держались за руки, поэтому им нелегко идти.

Дедушка Цай неохотно отступил на шаг и сказал: "Жун-Жун, вы с братом идите вперед."

Лу Жун этого не сделал, ему пришлось одной рукой тащить человека, предпочитая карабкаться вверх наискось. Очевидно, эта поза была слишком неловкой, но он был очень счастлив, его брови изогнулись в улыбке.

Дед Цай тоже ничего не сказал и просто вытянул руку вперед, насколько это было возможно. Ему стало немного смешно, видя, что двое детей, раньше игнорировавших друг друга, сегодня были такими прилипчивыми.

Храм расположен на полпути к вершине горы, среди зеленых деревьев. Снаружи храма также есть возвышающееся дерево, окруженное деревянным забором, на котором изображен знак некоего музея культурного наследия.

Пестрые ворота храма были широко распахнуты, и как только они вошли в них, то увидел толстого лысого мужчину в толстом белом халате с круглым животом, который сидел, ссутулившись, на бамбуковом стуле и тряс веером.

"Мастер Хун", — почтительно произнес дедушка Цай.

Мастер Хун открыл глаза, встав с улыбкой, надел тряпичные туфли и поприветствовал его: "О, брат Цай, я давно тебя не видел."

"Пошлите, Жун-Жун, Сяо Цзе, поприветствуйте, это мастер Хун."

Шэнь Цзицзе вежливо поздоровался с ним, но Лу Жун спрятался за дедушку Цая и отказался выходить.

"О, посмотрите на этого ребенка, этот ребенок", — мастер Цай не смог вытащить его оттуда и беспомощно улыбнулся мастеру Хуну.

Мастер Хун дотронулся до своей лысой головы и ласково сказал: "Все в порядке, все в порядке, я неважно выгляжу, я напугал ребенка."

"Он просто боится знакомиться с новыми людьми, у него тонкая кожа (2)," объяснил дедушка Цай.

(Тонкокожий человек — чувствительный, понимающий, более нежный, в отличие от толстокожего.)

Двое знакомых нежно обнялись, а затем вошли внутрь, дедушка Цай нес корзинку с арахисом и яйцами, поэтому Лу Жун отступил назад к Шэнь Цзицзе. Шэнь Цзицзе с любопытством посмотрел на храм, в то время как Лу Жун робко прислонился к нему, не сводя глаз со спины мастера Хуна.

Мастер Хун выглядел добрым толстым лысым мужчиной, каблук его ботинок был изношен, он обращался только к дедушке Цая, что заставило его немного расслабиться. Этот храм ничем не отличается от обычного внутреннего двора, но он был больше, с несколькими деревянными колоннами, подпирающими карниз.

На крыше стоял телевизионный приемник, и из определенной комнаты доносились звуки телевизионной рекламы. Во дворе растут соевые бобы, а в одном из углов стоит клетка для кур, в которой находилось несколько цыплят.

Шэнь Цзицзе видел храмы только по телевизору, и все они обычно древние и великолепные. Он никогда раньше не видел ничего подобного. Он собирался осмотреть его, но Лу Жун, висевший у него на руке, отказался входить внутрь: "Брат, давай просто побудем снаружи, не входи, не входи, хорошо?"

Шэнь Цзицзе согласился с ним и встал в тени дерева, сняв шляпу с макушки, чтобы проветриться. Увидев, что у него на лбу выступили капельки пота, к которым прилипло несколько мокрых волос, он откинул их руками и подул на них.

Лу Жун моргнул, его ресницы затрепетали, как маленький веер, Шэнь Цзицзе, забавляясь, посмотрел на него и снова подул в глаза.

"Гэгэ, ты такой надоедливый," — сказал Лу Жун недовольно, на переносице появилось несколько морщинок, его лицо немного опухло.

Шэнь Цзицзе не удержался и снова ущипнул его за лицо, его руки мягко скользили, щипать его было приятно.

"Гэгэ раздражен?"

"Беспокоишь."

Он воспользовался возможностью ущипнуть его еще несколько раз.

"Гэгэ раздражен?" — радостно спросил Шэнь Цзицзе.

Лу Жун больше не стал утруждать себя что-либо ему говорить и просто потряхнул его руку.

"Эй, ты, горный варвар, осмелился ударить меня по руке, посмотрим, как я тебя накажу", — Шэнь Цзицзе коснулся тыльной стороны своей ладони, притворяясь, что стиснул зубы, говоря это.

Видя, что ситуация не из приятных, Лу Жун поспешно обнял его за талию, поднял голову и протяжно крикнул: "Гэгэ~"

Лицо Шэнь Цзицзе больше не могло быть напряженным, он с улыбкой поднял руку и взъерошил его волосы еще больше. На этот раз Лу Жун не сопротивлялся, а прищурил глаза от удовольствия, как довольный молочный кот.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326847>